

УДК 82 (470)
ББК 83.3 (2=Рус) 5
Ч 75
М.Ю. Чотчаева

Концепция человека и личности в русской мысли XIX века

(Рецензирована)

Аннотация:

Личность – это продукт исторического развития, формирующийся в конкретном обществе, на основе конкретных общественных отношений, поэтому для каждого конкретного этапа характерны некоторые типические черты личностной деятельности. Динамика «идеи человека» направляется мировоззренческими принципами, но корректируется общим социокультурным контекстом. На развитии концепции личности во второй половине XIX века в России не могла не сказаться общая культурная ситуация, которая создавалась плюрализмом философских и неоднородностью эстетических концепций человека. Проблемы человека и личности в это время рассматривались народническими теоретиками, неославянофильством, правым гегельянством, православнотеистической философией, представителями русского мистицизма и др.

В философии, этике, литературе, критике, публицистике этого времени концентрируются понятия самоутверждения, общественно-нравственного долга, смысла жизни, с одной стороны, и индивидуализма личности, с другой.

Ключевые слова:

Личность, человек, концепция, литература, философия, родовая сущность, видовая сущность.

«Человек – субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на Земле, биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, но выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью и сознанием» [1, 149-158].

Главной, определяющей стороной человека являются его не биологические, а социальные и нравственные качества. Совокупность этих качеств, их конкретное сочетание в деятельности каждого отдельного человека составляют содержание понятия «личность».

Личность – это продукт исторического развития, как в смысле отдельной личности, так и личности как социального феномена. Поскольку личность формируется в конкретном обществе, на основе конкретных общественных отношений, то для каждого конкретного этапа характерны некоторые типические черты личностной деятельности. Система общественных отношений исторически изменчива, а потому

изменчивы будут и формы личностной деятельности.

Такие типичные формы исследователи выделяют, во-первых, на основе исторической эпохи, в которой личность осуществляет свою деятельность. В этом плане выделяются такие исторические типы личности, как личность Античной эпохи, личность Средневековья, личность эпохи Возрождения и т. д. Каждая историческая эпоха выражает в концентрированном виде свое представление о личности в выдающихся произведениях литературы и искусства.

Во-вторых, деятельность личности детерминирована, в первую очередь, объективными условиями её существования, которые весьма различны в одну и ту же эпоху, поэтому можно говорить о классовых, национальных, территориальных и других чертах личности. Следовательно, в одну и ту же эпоху может быть выявлена целая гамма личностей, социальных качеств, характеров.

Большую роль в жизнедеятельности личности играют биологически стабильные черты, которые определяются некоторыми родовыми

свойствами человека, возникшими на ранних стадиях филогенеза. В то же время на деятельность личности оказывают существенное влияние индивидуальные стабильные черты, достаточно выраженные в течение всей жизни. Сюда можно отнести, прежде всего, первичные умственные задатки, особенности протекания нервных процессов человека.

Другой важный структурный уровень личности – это те качества и свойства, которые вырабатываются человеком сознательно. Человек постоянно оказывается перед проблемой морального выбора, он сознательно оценивает ситуацию и выбирает стратегию деятельности. В проблеме морального выбора всегда имеет место синтез личностно-единичного и социально-всеобщего. Личность постоянно испытывает потребность выйти за жесткие рамки обстоятельств, за пределы роли, предписанной человеку обществом. Подобная нравственная ситуация всегда альтернативна, она ставит перед человеком сверхзадачу, практическое решение которой ему не гарантировано.

Решая проблему морального выбора, личность постоянно формирует себя, собственные нравственные структуры, не определяемые однозначно ни общественными отношениями, ни врожденными психодинамическими качествами. Нравственный выбор, нравственная ответственность – это чрезвычайно сильное напряжение всех интеллектуальных и духовных сил человека. Однако только таким образом человек может стать подлинно свободной личностью в самом высоком смысле этого слова.

Динамика «идеи человека» направляется мировоззренческими принципами, но корректируется общим социокультурным контекстом. Так, на судьбах реализма второй половины XIX века не могла не сказаться общая культурная ситуация, которая создавалась плюрализмом философских и неоднородностью эстетических концепций человека. Проблемы человека и личности в это время рассматривались и принципиально по-разному решались народническими теоретиками (П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, Н.К. Михайловский), неославянофильством (К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский), правым гегельянством (П.Г. Редькин, Б.Н. Чичерин), православнотеистической философией (О.М. Новицкий, С.С. Горецкий, П.Д. Юркевич), представителя-

ми русского мистицизма («метафизика сердца» А.С. Хомякова), философско-религиозной концепции Всеединства В. С. Соловьева [2, 25].

В философии, этике, литературе, критике, публицистике этого времени концентрируются понятия самоутверждения, общественно-нравственного долга, смысла жизни, с одной стороны, и индивидуализма личности, с другой. Они оказались в центре художественно-философских и публицистических произведений многих писателей (например, в «Гамлете и Дон-Кихоте» Тургенева, цикле «Капризы и раздумья» Герцена, в «Дневнике писателя» Достоевского, в статьях Л. Толстого «Царство Божие внутри нас», «В чем моя вера», «Исповедь»). Буржуазные отношения дегуманизировали идею человека, усиливали тенденции отчуждения, порождали релятивизм нравственных ценностей, рост индивидуалистического сознания. Еще в начале 1860-х годов в отделах публицистики и критики российских журналов рассматривались вопросы «глушения над человеческой свободой» (например, в статьях Е. Бонмера, опубликованных в «Русском вестнике», 1861, №5, С.16). К концу 1870-х годов эти процессы проявились уже достаточно отчетливо. Характеризуя пореформенную эпоху, журнал «Отечественные записки» констатировал, что в это «смутное время... черта простой нравственности стерлась, и утратилось понимание разницы между подвигом и доносом... вообще между черным и белым» (1880, №5, с.40). Эти десятилетия были временем формирования новых основополагающих идей на базе общечеловеческих моральных понятий. Многие мыслители и писатели ставили вопрос о «созидании новой совести» [3, 326-327]. И.С. Тургенев подчеркивал творчески-деятельное начало в позиции нравственного самоутверждения человека. Ф.М. Достоевский акцентировал внимание на морально-философском аспекте проблемы ответственности личности. Н.С. Лесков писал о том, что каждый человек должен увеличивать сумму добра в себе и вокруг себя.

Уже с конца 1860-х годов все более широкое распространение получают субъективно-социологические концепции народничества. Теория героя и массы, позже значительно трансформированная Н.К. Михайловским, тогда ещё во многом основывалась на признании

конкретного индивида как единственного носителя нравственного сознания. В онтологии Н.К. Михайловского категория личности приобретает первостепенное значение, выступает ценностным ядром его натурфилософии и социологии. Рассмотрение данной проблемы мыслителями, философами, публицистами, писателями самых разных ориентаций одновременно говорит о том, что проблема человека (личности) приобретает статус центральной не только для литературы, но и для русской культуры в целом.

К началу 1880-х годов у многих ведущих писателей все более крепло представление о «сложности жизни», которую невозможно адекватно выразить традиционными реалистическими средствами. На данном этапе развития реализма русские писатели исследовали вопросы социально-исторической обусловленности человека и сложности его внутреннего мира. Изменялся, особенно наглядно по сравнению с литературой 1840-х годов, подход к воссозданию «человеческого» в человеке, то есть его «родовой» сущности, которая при всем противопоставлении социальной обусловленности «отрицательного» в человеке, не рассматривалась теперь как асоциальное начало. Это характерно не только для единомышленников Белинского, Герцена, Чернышевского, но и для представителей противоположных философских школ. П.Д. Юркевич, например, писал на страницах «Русского вестника» в 1860-м году: «Эгоистические стремления не суть все душевные стремления: человек все же остается человеком, он находит человечество прежде всего в себе... в своих понятиях... в своей судьбе, которая слишком тесно связала его с другими, с родом; поэтому с какой-нибудь стороны в нем всегда остается психическая возможность любви, сострадания, участия, уважения к другим и т. д.» [4, 52-53]. В это время противоречие «родового» и «видового» в человеке приобретает в социологии, философии, публицистике и художественной литературе своеобразные черты.

Ещё славянофилы признавали главной родовой сущность человека. Славянофилы противопоставляли эгоизму и индивидуализму буржуазного Запада родовое и семейное начало, коллективизм крестьянской общины. «В наше время действия личности лишились величия. Поэзия, величие принадлежат действию

масс», – утверждал глава славянофилов А.С. Хомяков [5, 161]. Другой идеолог славянофильства И. В. Киреевский писал в программной статье «В ответ А.С. Хомякову»: «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность... Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город – внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само по себе дающее законы». Полной противоположностью представлялась Киреевскому Россия: «Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества» [6, 147]. Ещё более категорично это положение славянофилов сформулировал К. А. Аксаков: «Начало личности есть начало зла». Общее, родовое начало славянофилы связывали с общинным укладом русской жизни. Наряду с Герценом и народниками, славянофилы также идеализировали образ жизни русской общины.

Существовало также учение Н.Ф. Федорова, полностью отрицавшего индивидуальное начало, подвергнувшего резкой критике связанную с индивидуализмом буржуазную культуру. Он критикует культ наслаждения, комфорта, всю буржуазную цивилизацию, построенную, как он выражается, на производстве «мануфактурных игрушек». Н.Ф. Федоров заявляет, что «освобождение личности есть только отречение от общего дела» [7, 254]. Федоров ставит утопическую цель, т. н. «общее дело», суть которого – воскрешение всех умерших, восстановление человеческого рода. Он призывает к единству всего человечества – людей, живших в прошлом, живущих в настоящем, и тех, кто будет жить в будущем. Человек, по его мнению, может быть счастлив только тогда, когда он будет жить совместно со всем человечеством. А для этого нужно преодолеть смерть и связанную с ней смену поколений. Любая другая цель кажется ему мелкой, неспособной объединить людей в «общее дело» и отказаться от эгоистического существования. Федоров отвергает и

индивидуализм, и альтруизм: «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех» [8, 400].

П. Я. Чаадаев был первым в русской философии мыслителем, который выдвинул и защитил индивидуально-личностный тип философствования, обозначил проблему неповторимости личности. Большое внимание уделил Чаадаев вопросу выбора: главный вклад, который вносит человек в историю прогресса, – это по своему прожитая жизнь. Он выступал за выработку личной нравственности, которая определялась бы личной ответственностью человека перед своей совестью.

Революционеры-демократы придавали большое значение развитию концепции человека. А.И. Герцен подчеркивал всемирно-историческое значение правильного решения проблемы – личность – род: «Понять всю святость прав личности и не разрушить, не разбить на атомы общество – самая трудная социальная задача. Её разрешит, вероятно, сама история для будущего, в прошедшем она никогда не была разрешена». Герцен видел разницу в разрешении этой проблемы Россией и Западом: «Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека». Решение этой проблемы в будущем русский мыслитель связывал с сохранением особенностей русского исторического развития, лучших черт крестьянской общины: «Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элементы нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности земля осталась под ногами, и чтоб общинник был совершенно свободное лицо» [9].

В.Г. Белинский тоже стремился совместить интересы личности и рода: «Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно обуславливается другим. Народ – почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность – цвет и плод этой почвы». В.Г. Белинский отстаивал убеждение, что

именно борьба за права человека, развитие индивидуального начала содействует социальному прогрессу: «Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной от гнусных оков неразумной действительности» [10, 13]. Позиция Белинского характерна для революционеров – демократов: защита прав личности обуславливалась их борьбой против деспотизма самодержавия и крепостничества, в которой они ощущали себя защитниками народа, что подчеркивает их высокий нравственный пафос, резкое осуждение эгоизма и индивидуализма. Интересна позиция Н.Г. Чернышевского по этой проблеме. С одной стороны ему свойственно прославление активной целеустремленной личности, вносящей элемент творчества в собственную жизнь и мечтающей перестроить все общество. В статье «Антропологический принцип в философии» Чернышевский утверждает, что природа человека едина и излагает принципы «разумного эгоизма». С другой стороны, Чернышевский учитывает особенности исторического процесса, что сближает его со славянофилами по вопросу об общине: «Понятия о преобладании «мира» общины над отдельной личностью в древней Руси – одно из самых дорогих убеждений для славянофилов, и подчинение личного произвола в отдельном человеке общественной воле – едва ли не существенная черта их идеала в будущем. Мы не подозревали себя в пристрастии славянофильскому образу мыслей, но должны сказать, что учение об отношении личности к обществу – здоровая часть их системы и вообще достойна всякого уважения по своей справедливости» [11, 88].

И философия, и литература всегда пытались отобразить «родовую» сущность человека во всех её проявлениях: общечеловеческой, общепромышленной, общесоциальной. Но русскую культуру характеризует одновременное рассмотрение проблемы «родового» человека философией и реалистической литературой с 1830-х годов. В.Г. Белинский говорил о том, что сущность человека – это исторически изменяемая социальная сущность, что образ чувствования и мышления человека видоизменяются в зависимости от исторического состояния общества и всего человечества. Несколько позже в русской литературе сформируется концепция открытого, незавершенного человека, готового

к переменам внутри своего мироощущения. Герцен уделит внимание этому вопросу в статьях цикла «Дилетантизм в науке», рассматривая общественное как главный признак человека, который развивает в себе родовые качества, противопоставляя себя природе.

К середине XIX века философия и литература формируют новую мысль о человеке как представителе «рода человеческого», и, одновременно, составляющей социально-исторического контекста. Писатели-реалисты стремятся выявить в человеке его «родовые» (общечеловеческие, общесоциальные, общеисторические) и «видовые» (социально-исторические, конкретно-социальные) характеристики, видя в человеке естественно-историческое существо» [12, 59]. Но при этом, ещё в литературе романтизма, а затем и реализма «видовые» и «родовые» начала раскрывались как драматические. «Целостность человека как существа «родового» нередко противопоставлялась в литературе «видовым» социально – историческим формам «объективизации» человеческой природы, противоречащим этому идеалу», – указывает В.М. Головкин [13, 51]. Писатели-реалисты не возводили «родовое» в абсолют, «общечеловеческое» всегда выступало в форме конкретно – исторического в их произведениях. «Но представление о «слитности родового и индивидуального» как ценностном критерии анализа общественных отношений, сформулированное Герценом и другими русскими мыслителями, составляло основу их художественной оксиологии» [14, 51].

В конце XIX – начале XX века в русской философии получают распространение идеи Ницше, возникают декадентские и модернистские течения, опирающиеся на индивидуалистическую концепцию личности. Появляется «русский экзистенциализм», получивший яркое выражение в трудах Н.А. Бердяева: «Та же нераскрытость и неразвитость у нас личного начала, культуры личной ответственности и личной чести. Та же неспособность к духовной автономии, та же нетерпимость, искание правды

не в себе, а вне себя. Отсутствие рыцарства в русской истории имело роковое последствие для русской нравственной культуры. Русский «коллективизм» и русская «соборность» почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы. Но в действительности это означает, что личность, что личный дух недостаточно ещё пробудился в русском народе, что личность ещё слишком погружена в природную стихию народной жизни» [15, 171].

Примечания:

1. Афиногенов Д.В. Свобода, наука, природа (Об истоках глобального экологического кризиса) // ОНС: Обществ. Науки и современность. 2001. № 4.
2. Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975.
3. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.
4. Русский вестник. 1861. № 5.
5. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1900.
6. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
7. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
8. Там же.
9. Герцен А.И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 62; 1957. Т. 12. С.190; Т. 14.
10. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 3. М., 1953; Т. 10. М., 1955. С. 386; Т. 12. М., 1956.
11. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939-1950.
12. Головкин В.М. Художественное человековедение: Параметры литературоведческих исследований // Вестник СГУ. Вып. 24. Ставрополь, 2004.
13. Там же.
14. Головкин В. М. Развитие диалектического мышления А.И. Герцена как основа новаторства в романе «Кто виноват?» (Проблема деятельности) // Традиции и новаторство в художественной литературе. Горький, 1980.
15. Бердяев Н.А. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., 1990.